

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

НАОЩУЛЬ

Юлия Резник

На ощупь

Аннотация

«Она была моей пациенткой. Маленькая, и такая худенькая, что я лишний раз боялся надавить посильнее. Казалось, она и задохнется в моих руках, разомни я ее основательней.

Мне нравилось, как она ощущалась под моими уставшими ладонями. Нравилось скользить по ее теплой, разогретой коже, поглаживать твердыми натруженными пальцами, оправдывая себя тем, что я никоим образом не выхожу за рамки «врач – пациент». Мне нравилось представлять, как розовеет ее кожа от легкого оттенка белого навахо до насыщенного алого. Такой бы она была, если бы я, к примеру, растер по ее телу ягоды земляники. Мне нравился ее шелестящий, испуганный голос. Мне нравился ее тонкий ненавязчивый аромат с легкими нотками чайной розы и белого перца. Мне нравилось в ней все, за исключением того, что она принадлежала не мне...»

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юлия Резник

На ощупь

Глава 1

Она была моей пациенткой. Одной из тысяч других, прошедших за все это время через мои умелые руки. Маленькая, и такая худенькая, что я лишний раз боялся надавить посильнее. Казалось, она и задохнется в моих руках, разомни я ее основательней.

Мне нравилось, как она ощущалась под моими уставшими ладонями. Нравилось скользить по ее теплой, разогретой коже, поглаживать твердыми натруженными пальцами, оправдывая себя тем, что я никоим образом не выхожу за рамки «врач – пациент». Мне нравилось представлять, как розовеет ее кожа от легкого оттенка белого навахо до насыщенного алого. Такой бы она была, если бы я, к примеру, растер по ее телу ягоды земляники. Мне нравился ее шелестящий, немного испуганный голос. Мне нравился ее тонкий ненавязчивый аромат с легкими нотками чайной розы и белого перца. Мне нравилось в ней практически все, за исключением лишь того, что она принадлежала не мне...

Это был самый обычный день, но уже с утра я не мог найти себе места. Обжегся свежесваренным кофе, зачем-то сме-

нил четыре рубашки и распечатал новый одеколон – жутко дорогой и модный подарок начальницы. Не знаю, зачем я надушился, зачем то и дело приглаживал волосы и дергал за отросшую бороду. Все это было абсолютно бессмысленно и бесперспективно, но я... Я ни черта не мог с этим сделать. Это лилось откуда-то изнутри. Пониманием, как надо. Интуитивно, на уровне вопящих в уши инстинктов.

Весь день – сплошная нервотрепка. Пациенты один за другим, их судьбы перед моими глазами. Причудливыми тенями, неясными очертаниями, вспышками образов в голове. Уже привык. Уже не вскакиваю, не хватаюсь за голову, не бегу прочь от этого неконтролируемого потока. А когда только ослеп... Думал, с ума схожу. И не понимал, то ли от водки, которую я в то время глушил запойно, то ли... да черт его знает, от чего?

У меня ушел почти год на то, чтобы научиться хоть как-то контролировать творящееся в голове безобразия. Унять незнакомые голоса и почувствовать, наконец, блаженную, звенящую тишину. Это было самым трудным, что мне доводилось делать в моей долгой, лишенной всякого смысла жизни.

– Добрый вечер. Я... не рано? – Ее голос замер на «я» и вопросительно взмыл вверх на «не рано».

– Вы вовремя.

– Татьяна Голубкина. Мне вас очень рекомендовали... Спасибо, что все же нашли время меня принять.

– Я ознакомился с вашей картой предварительно и уже имею кое-какое представление о нашей с вами работе, но утвердиться в своих мыслях смогу, только лишь посмотрев вас.

– Посмотрев?

– Руками, – пояснил я.

– Тогда... мне, наверное, нужно раздеться.

– Конечно. И сразу ложитесь, – моя рука взмыла в направлении массажного стола, и на несколько секунд в кабинете воцарилась тишина. О причинах заминки я догадался как-то сразу и, растянув губы в улыбке, пояснил: – Я незрячий. Так что меня можете не стесняться.

На какой-то миг ее дыхание замерло, а после с шумом вырвалось наружу:

– Ох...

Поразительно, но она действительно не знала о моей слепоте. Обычно эта информация выходила на первый план и бежала едва ли не впереди моего имени. Степан Судак. Слепой кудесник.

Секунду спустя ее одежда зашуршала, а я, наконец, выдохнул, благодарный за то, что она не стала говорить всяких глупостей о том, как ей ей жаль. Это приятно. Правда.

В своем кабинете я прекрасно ориентируюсь. Мне не нужны глаза. Три шага влево – и, включив теплую воду, я тщательно мою руки. Еще два – в сторону – и подхожу к столу, на котором она уже благополучно устроилась – я слышал.

Обычно я предпочитаю сухой массаж и не использую дополнительные средства для лучшего скольжения. Но ее кожа настолько нежная, что так дело не пойдет. Это просто опасно. При интенсивном растирании по сухому запросто могут появиться ссадины и царапины, поэтому нащупываю на столе бутылочку с маслом. Мне не хочется менять ее аромат, и я выбираю средство без запаха.

Она закрыта и немного напряжена. Будто бы не может расслабиться до конца, как бы ни старалась. Понимаю, что это не сиюминутная осторожность. Она такая по жизни. Настороженная, как певчая птичка, отчего-то залетевшая в курятник. Недоверчивая. Исполосованная шрамами. Хмурюсь.

– Давно у вас начались головные боли?

Таня вздрагивает под моими руками, хотя я говорю очень тихо.

– Давно... – выдыхает бесшумно, – я уже и не вспомню, когда.

– Тогда почему только сейчас обратились к врачу?

– Все... усугубилось. Боль распространилась на шею и руки... я стала терять сознание.

Киваю и молча продолжаю дальше. У Тани запущенный случай шейного остеохондроза. Нам предстоит большая работа, но это ничто в сравнении с тем, через что проходят люди, например, с ДЦП.

– Не больно?

– Нет. Хорошо...

Давлю чуть сильнее, разрабатываю мышцы, слой за слоем, проникаю глубже. Надавливаю, и воздух вырывается из ее легких, с каждым моим движением. Ощущаю, как постепенно ее тело покидает напряжение.

Пора заканчивать. На первых процедурах нельзя увлечься, но оторваться от Тани совершенно не получается, и я, как последний маньяк – скользя пальцами по ее узкой спине. Спускаюсь к пояснице, потираю ямочки над ягодицами. Она дрожит под моими руками, а я благодарю небо за то, что мои брюки достаточно широкие – попытка становится невыносимой. Отстраняюсь. Беру салфетку и осторожно стираю с кожи избыток смазки. Чувствую ее растерянность. Ругаю себя, что перешел черту. Да, наверное, перешел – и это абсолютно недопустимо. Я только не могу понять, почему Таня настолько удивлена своей реакции на случившееся.

– Вам уже выдали график посещений?

Я знал, что девочки на рецепции все сделали правильно, и мой вопрос был вызван скорее желанием сказать хоть что-то, чем необходимостью услышать ответ.

– График?

– Да, график... Вам должны были расписать время приема и выдать дополнительные рекомендации.

– Ох, да... Конечно. Извините... Мне все уже отдали.

– Хорошо. Я советую вам по возможности заменить один препарат из листа назначений на западный аналог. Он гораздо более эффективный. Так что... если решите прислушаться-

ся к моим словам, в рекомендациях вы также найдете его наименование.

– Спасибо, доктор. Я... Мне вас очень рекомендовали.

Молча киваю головой. Мне прекрасно известно, что я на хорошем счету в городе, да и вообще по стране. Запись ко мне на прием расписана на полгода, если не на год вперед, я занят с утра до поздней ночи и, кроме работы, ничего в этой жизни не вижу. Меня это устраивает. Это, наверное, лучшее, что могло бы со мной случиться, после всего.

Уютную тишину кабинета нарушает трель телефона.

– Извините, – неловко бормочет моя пациентка, но трубку все же берет, – Саш, я сейчас не могу говорить. Перезвоню буквально через пару минут... Что? Эээ... Сегодня? Но... у нас же...

Она не договаривает, торопливо прощается и выскальзывает за дверь. А меня окатывает волной разочарования и боли, которая от нее исходит. Уже даже не пытаюсь анализировать природу этого явления. Я просто чувствую, «вижу» посторонних, абсолютно мне незнакомых людей. Это происходит по-разному. Иногда мне приоткрываются целые эпизоды из жизни. Я как будто смотрю кино, но не с начала, а с середины фильма. Не имея представления о том, что было, и каким будет финал. Сцены из чужих жизней – единственное, что я видел за последние годы...

Но гораздо чаще посторонние вторгаются в мою голову на уровне эмоций и ощущений. Реже – я слышу их мысли. По-

началу, когда еще не научился отделять их от своих – думал, с ума схожу. Однако со временем наловчился фильтровать это все, выстраивать блоки вокруг собственных чувств. Стало немного легче.

Три последующих пациента проходят через мои руки на автомате. Мысленно я нахожусь вовсе не с ними. Злюсь на себя, но ничего не могу поделать – меня уносит. Туда... к ней. Недоволен собою страшно. Мало того, что позволил себе абсолютно непозволительное, так еще и всю последующую работу делаю без души, спустив рукава. Что называется, на классе. Хорошо, что во всех трех случаях речь идет об обычном лечебном массаже. Ничего сверх я бы сегодня не смог показать.

Когда за последним пациентом закрывается дверь – с облегчением выдыхаю. Завтра будет легче, так всегда бывает. А пока я на ощупь бреду в опустевший тренажерный зал. Физические нагрузки здорово успокаивают. Когда ты выжимаешь пару сотен килограмм – тут уж не до посторонних мыслей. Возможно поэтому я и пристрастился к качалке. Сегодня день ног.

– Привет, Степ. Что-то тебя совсем не видно.

Оборачиваюсь на звук, протягиваю ладонь. Тимур – один из наших самых опытных инструкторов. Плюс тренер по борьбе.

– А ты почему здесь? – удивляюсь я. Мои часы подсказывают, что рабочий день Тима уже давно окончен.

– Тебя буду страховать. Вот какого хрена ты вчера устроил?

Так-так, это намек на то, что я жал без страхующего. Они там что, камеры просматривают? Весело.

– Размялся немного.

– Без страховки!

– Да брось, мамочка. У нас отличные страховочные упоры, – парировал я, добавляя вес.

– Ага... Я вчера как раз просматривал видео, как один придурок чуть не убился, понадеявшись на них, – голос Тимура окрасился кислыми нотками скептицизма.

– Да ладно. Кончай, Тим... Я жал без замков на грифе. Если бы что-то пошло не так, я бы просто сбросил блины.

– И то хлеб, – выдохнул Тим.

– Не учи папку жить. Давай... проваливай! Небось, девичьи заждались уже.

– Какие еще девичьи?

– Которые приходят на тебя пооблизываться, – хохотнул я. Это, и правда, забавно. Охочих добраться до тела Тимура было хоть отбавляй. Для здешних мужиков эта тема стала поводом для многочисленных шуточек. Взрослых дядек хлебом не корми – дай только поржать.

– И ты – Брут! – фыркнул Тим.

– Ну, вот еще... Тебе просто завидуют. Гордись! – пропыхтел я, разминаясь.

– Ага...

Разговаривать, выполняя силовые упражнения, довольно непросто. Поэтому очень скоро наша беседа сошла на нет, и в зале установилась тишина, которую разбавляли редкий звон снарядов да рваные жадные вдохи. Ошибочно полагать, что для поддержания формы в зале нужно пыхтеть часами. При грамотно составленной программе тренировок и правильно подобранном питании – лично мне достаточно двух-трех полуторачасовых тренировок в неделю. Вот и на этот раз уложился за час. Быстрый душ, раздевалка – и здравствуй, июльская жара.

Если верить часам, на улице ночь. Моя же ночь – круглосуточна и круглогодична. Уже привык. И горечи не испытываю. Моя темнота совсем другая на вкус.

По улице перемещаюсь при помощи трости. Была мысль завести собаку-поводыря, но... Я не хотел ни к кому привязываться. Это было бы лишне. Триста шагов прямо, двадцать влево. Осторожно, ступенька, дорога, и снова бордюр, между домами по вытоптанной дорожке к родной шестнадцатипэтажке.

Раздеться догола, лечь на прохладные простыни и, поддавшись искушению, которое сжирало на протяжении всего вечера, позволить себе... её. Снимаю блоки и задыхаюсь! Тону в черной, клейкой тоске. Захлебываюсь в потоках её слез. Сжимаюсь от острого болезненного чувства собственной ненужности. Таня...

Глава 2

Злюсь. В первую очередь на себя. За то, что так и не научилась отстраняться. Не свыклась, не смогла... Боль скручивает, рисует замысловатые узоры на моей исполосованной душе, заштриховывает старые шрамы, чтобы поверх них нанести свежие. Ведь, несмотря на то, что свободного места давно уже нет – моей агонии нужен простор.

В который раз руки тянутся к телефону. Ненавижу... ненавижу себя за это. Я чертова мазохистка. Или это не я? Что, если меня в принципе нет? Разве я могу быть такой?

Сжимая трубку в ладони, подхожу к зеркалу. Мне жизненно важно увидеть, что от меня прежней еще хоть что-то осталось. Вскидываю взгляд. Все еще красивая. Идеально вылепленные скулы – мой главный козырь. Как и светящаяся гладкая кожа. Иногда меня спрашивают о том, каким чудодейственным средствам я обязана своей красоте. Я смеюсь и отвечаю – слезам. Поверьте, я ни капельки не шучу. Идеальное увлажнение. Правда...

Касаюсь пальцами зеркала. Веду по губам и вверх... Вглядываюсь в отражение собственных глаз в надежде отыскать там что-то от той беззаботной девочки, которой была когда-то – и не нахожу. Ту девочку двадцать лет умерщвляли. Двадцать чертовых лет...

Жадно хватаю воздух и снова нажимаю на иконку Инста-

грам. Я давно уже в курсе того, что мой муж мне изменяет. Меняются только лица... На этот раз молоденькая совсем. Симпатичная, но не более. Видимо, на каком-то этапе молодость любовницы вышла для Сашки на первый план. Может быть, он так самоутверждается и бежит от мысли о предстоящей старости? Господи... Какая нелепость, зачем я его оправдываю?!

Ноги не держат. Сажусь на кровать. То самое фото просмотрели уже несколько сотен человек. И я принимаюсь гадать, сколько просмотров приходится на членов нашей семьи. На меня, на сыновей, на сестер моего мужа... О, последние о нем знают все! У Саши с сестрами прекрасные, доверительные отношения. Впрочем, как и у меня. Только я далеко не сразу поняла, что при любом нашем конфликте с мужем брат для них останется братом, а я... Я, как всегда, останусь у разбитого корыта. Меня воспринимали всерьез ровно до того момента, пока я оставалась покладистой. Во всех остальных случаях – меня в лучшем случае игнорировали.

Я выключила телефон и подошла к окну. Слепо уставилась вдаль, но перед глазами все равно стояла фотография той девушки... Явно беременной любовницы моего мужа. Смешно... И больно одновременно. Меня душит истерика. Почему именно сейчас, господи? В двадцатилетний юбилей нашей свадьбы? Это такая насмешка? Или знак? Или... К черту.

Он даже меня не поздравил. Хотя... Разве в подарках дело? Отнюдь. Все дело в том, что для Саши прошедшие двадцать лет ни черта не значили. Все мои жертвы, все мои компромиссы... по большому счету были совершенно напрасны. А ведь я действительно верила, что с возрастом он остепенится. Поймет, как отчаянно сильно его люблю! И, наконец, оценит по достоинству... Разве можно быть такой непроходимой дурой?

Залетела в шестнадцать. Об аборте не допускала и мысли. Как я могла убить ребенка того, кого так сильно любила? Я не смогла. Все последующие годы измены мужа оправдывались тем, что, женив на себе девятнадцатилетнего парня, я не дала ему нагуляться. А значит, во всем происходящем виновата была исключительно я сама. Сколько раз я слышала эту извращенную истину? Не от него, нет! От свекрови, сестер, друзей... Не сосчитать. И я действительно винила себя – вот, что страшно! Изменял он, а винила себя. Теперь помнела. Да только поздно, наверное. Мне тридцать семь. За плечами двадцать лет брака и мучительной боли. В какой-то момент я с ней даже сроднилась, стала ее рабой...

Сашка сказал, что задержится на работе, что у них очередной план-перехват, господи... Сколько этих планов я повидала за свою жизнь! Если бы полиция в действительности выполняла хотя бы их десятипроцентную норму, наши тюрьмы бы опустели. Все ложь...

Я всхлипнула и в страхе закрыла ладонью рот. Мальчики

уже выросли, у каждого из них своя жизнь, но я все равно боюсь разрушиться у них на глазах. Мой старший – довольно успешный спортсмен, гоняет в футбол, живет отдельно и зарабатывает побольше нас с Сашей. Младший... младший сегодня сдал последний школьный экзамен. Он решил пойти по стопам отца. За ним уже закрепили местечко на юридическом факультете престижного вуза. Мои птенчики выпорхнули из гнезда, а я осталась наедине со своим мучительным одиночеством. Мне больше не на что было отвлечься. Я уже не требовалась им, как раньше. Я не могла их даже обнять. Мне вообще стало не к кому прислониться...

Телефон молчал. «План-перехват» затягивался. И моя агония тоже. Слезы лились, и я их зло стряхивала. Секунды тянулись жвачкой. Мне было тридцать семь, но порой мне казалось, что моя жизнь проходит в совершенно ином времениисчислении. Вполне возможно, мне уже сотни лет или даже, может быть, тысячи... Я чувствовала себя древней, как мир, старухой.

Чтобы отвлечься, попыталась вспомнить что-то светлое. Ведь было же мне когда-то хорошо? Наверняка было... Когда Данька родился, или Демид. Я испытала колоссальное, невозможное счастье. И после все радостные моменты моей жизни были связаны с успехами сыновей. Вот и все. Ничего личного. Персонального. Моего...

В памяти всплыл мой сегодняшшний прием у рекомендованного Сашкиным начальником массажиста. Вот, кто за-

ставил меня испытать блаженство. Практически сексуальное удовольствие. Вообще не поняла, как так получилось. Просто его руки, вкупе с тихим осипшим голосом, скрутили меня в баранку. Такое случилось впервые за всю мою жизнь. Мне плакать захотелось, когда он отнял у меня свои красивые сильные ладони. Вот, до чего я докатилась... Я так сильно нуждалась в ласке, что она мне виделась даже там, где её не могло быть по определению.

Постояв еще немного, все же улеглась в кровать. Дала себе установку спать. Уже поняла, что муж ночевать домой не придет. Не стоило себя истязать надеждой. Забыться сном, погрузиться в его волшебную анестезию. Сон – он ведь почти как смерть, которая с каждым прожитым днем для меня все желаннее...

Забывье наступало не торопясь, будто нехотя. Странное ощущение, я как будто нахожусь в трансе. Полуявь – полусон, в котором я больше не одна. Кожей чувствовала чье-то присутствие, но мне совершенно не страшно. Я настолько устала от одиночества, что кто угодно рядом лучше, чем никого. Иначе я утону в своем горе. На моей шее ожерелье измен. И эти неподъемные камни вот-вот утащат меня на дно...

Тот, кто рядом, касается моей поясницы. Неторопливо шагает пальцами по моему телу, от самого крестца и вверх по неглубокой ложбинке позвоночника. Перешагивает с одного выпирающего позвонка на другой, поглаживает шершавыми

подушечками. Мое дыхание учащается. Это мой сон, я его режиссирую. А потому на месте невидимых рук представляю вполне конкретные. Нет... не мужа. Впервые – не мужа...

Может быть, я схожу с ума, может быть, это безумие – защитная реакция моего организма – я не знаю. Я просто сдаюсь в плен всему происходящему и не пытаюсь анализировать. Невидимая рука неторопливо скользит по моим длинным волосам, аккуратно перебрасывает их через плечо и тут же обхватывает мое горло. Гладит большим пальцем гортань, в то время как вторая ладонь ложится мне на живот. Дыхание перехватывает. Воздух замирает в груди и раскаленным потоком проносится по венам. Мне почти больно. Это сладкая боль, она вытесняет другую – совсем не такую приятную. Его рука на моем животе остается недвижимой, но ее тепло просачивается в меня через поры и сворачивается жарким комком внутри.

И я представляю. Его широкую распластанную ладонь на моем животе. Я вижу длинные смуглые пальцы с аккуратно подрезанными ногтями и выступающие на коже вены. Красиво. Невыносимо, невозможно прекрасно. Я могу так лежать целую вечность, но мой сон движется дальше. Как и руки моего призрачного любовника. С шеи на мочку уха, едва касаясь – вниз. Шершавыми кончиками пальцев трогает через ткань сорочки вершинку соска. Прикосновения едва ощутимы – оттого, возможно, все мои чувства обостряются донельзя. Меня разрывает мириадами противоречивых же-

лений. Мне хочется продолжать в том же темпе... Мне кажется, я умру, если он не остановится... Но в то же время я абсолютно уверена, что если это случится – смерть за мной придет наверняка!

Рука на животе оживает. Перемещается на бедро и дальше – к самому сокровенному. Через ткань надавливает на мою промежность, находит пальцами жаркий возбужденный бугорок. Я полностью мокрая и готовая для него. Чуть развожу ноги, давая его ласкам больший простор, и захлебываюсь стоном, когда его твердые пальцы скользят по моим лепесткам.

В мой сон врываются посторонние звуки. Я пытаюсь их игнорировать, но в какой-то момент это становится просто невозможно. Открываю веки и наталкиваюсь взглядом на виноватый взгляд мужа.

– Привет.

– Привет. Ты себя хорошо чувствуешь? Ты стонала...

Я сажусь на кровати, стряхивая с себя остатки сна. Он был настолько реальным, что я не сразу прихожу в себя.

– Да... Все нормально... Который час?

– Уже семь...

– О господи... Где ты так долго был?

Зачем я спрашиваю? Чтобы услышать очередную ложь? Это то, что мне действительно нужно? Серьезно? Живот тянет, между ног влажно и скользко. Мое настроение скатывается до отметки ноль. До чего я докатилась... Есть ли вооб-

ще в этой пропасти дно?

– Я...

– Только не говори, что был на работе, Голубкин. Даже как-то обидно, что за столько лет ты не придумал более правдоподобной легенды.

Сашка пыжится и возмущенно раздувает ноздри. Чувствую себя зрителем в театре одного актера. И все бы хорошо – да только репертуар безнадежно устарел.

– А я ничего не придумываю, Таня. Заметь, ты все озвучиваешь за меня.

Чувствую, что начинаю скатываться в истерику. Зря. Ведь все статьи, посвященные теме возвращения блудного мужа, начинаются с того, что истерики в данном случае – последнее дело. Доморощенные психологи убеждены, что неверному в родных пенатах должны быть обеспечены максимально комфортные, приближенные к санаторным, условия. Никаких скандалов и, боже упаси, никаких упреков... Улыбка на лице, вкусные завтраки, которыми, почему-то считается, любовница не озаботится. Господи, какая чушь...

– Ну, так озвучь свою версию. Кто тебе мешает?

Я могу собой гордиться. Мой голос почти не дрожит. Я встаю с постели и отхожу к окну. Иначе... Не знаю, что... Вцеплюсь в него, как питбуль. Зубами в глотку.

– Я ухожу, Таня.

– Что?

Мой голос больше похож на хрип. Я собой гордилась? За-

будьте... У нас было всякое. Но до этого никогда не доходило. Никогда.

– Я ухожу. Мы давно уже чужие люди...

– Ох, избавь меня от этого! – разворачиваюсь резко, даже в глазах темнеет. Обида с силой давит на сердце, и, мне кажется, оно идет трещинами.

– Ну, вот! А ведь я хотел с тобой нормально поговорить! Как взрослые люди!

Он берет чемодан. Тот, который я покупала для поездки в Грецию, и начинает методично складывать в него свои вещи.

– Подожди... Что ты делаешь? – как последняя дура спрашиваю я и начинаю так же методично возвращать их назад.

– Тань, ну, прекрати, а? Не трави душу...

Я оседаю на пол. Театрально? Возможно. Я и не утверждала, что у нас один Сашка – актер. Мы все живем будто в чертовой Санта-Барбаре.

– Не трави душу? – повторяю, слизывая проклятые слезы с губ. – Это точно твоя реплика, Саша? Может ты перепутал сценарий?

– Бл*дь! Ну, почему всегда так?! Почему нельзя по нормальному?

– По нормальному? – смеюсь, смехом срываю горло, – Знаешь, а я тоже всегда задавалась этим вопросом. Почему нельзя? А, Голубкин? Тебе что не хватает? Жена – умница, красавица, дети – пацаны, гордость для любого нормальному мужика... Дом – полная чаша. Секс... раком, боком и с

прискоком, я тебе хоть в чем-то отказывала? Су-у-ука! Да я вагинопластику для тебя сделала, чтобы тебе, любимому, потуже было! Я сделала чертову вагинопластику!

– Всему дому об этом расскажи, – буркнул Сашка, дергая замки на чемодане.

– Подожди! – закричала я, вскакивая с пола. – Подожди, Сашка... – выдохнула со всхлипом, встряхнула головой. – У Демида выпускной послезавтра. Мы должны на него пойти... Вместе. Ведь мы же родители! Что я ему скажу? Что тебе не до него?

– Я могу прийти на выпускной вечер.

– Послушай... Пожалуйста, давай не так! Зачем портить ребенку праздник?

– Ему почти восемнадцать, Таня. Не такой уж он и малыш. Конечно, ему виднее. Сам-то трах*ет не намного более старшую...

– Но все же! Зачем торопиться, Саш? Я прошу два-три дня. Потом... потом уходи, если не передумаешь, я...

Что я – я не знаю. Просто не заглядываю так далеко наперед. Неизвестность меня пугает до дрожи в коленях, и я, как малахольная Скарлетт О'Хара, откладывая мысли о будущем до лучшего дня. Я сама от себя бегу... Стыдно за собственное малодушие, стыдно... за ту, кем я стала. Моя женская гордость давно уже втоптана в грязь. Стерта в порошок, развеяна ветром измен. Иногда я мечтаю собрать себя по крупицам, но даже сама не верю, что найду в себе силы

на это.

– Ну... Я не знаю. Я уже пообещал...

Он капитулирует. Я это вижу. И мне мерзко от облегчения, которое слабостью распространяется по всему моему телу. Его нерешительность не должна меня делать такой счастливой! Это противоестественно! Но я радуюсь... что мой неверный, гулящий муж остается со мной из жалости.

Сама себя ненавижу.

Глава 3

Не знаю, как прожил следующие тридцать шесть часов – вплоть до прихода Тани. Просто запретил себе думать о ней, отгородившись плотной непроницаемой стеной. Когда наша связь так резко прервалась, я еще несколько раз пытался ее восстановить, но ничего не выходило. Она была уже не со мной. Моя, но чужая.

Я после долго медитировал, в попытке найти баланс, но так до конца и не справился с собственными эмоциями. Таня стала для них толчком, и теперь меня раскачивало из стороны в сторону, как деревянную мачту в шторм. Мне не было покоя. Я презирал себя за то, что позволил сделать. Однако в то же время я не мог не понимать, что если бы она так сильно во мне не нуждалась, у меня ровном счетом ничего бы не вышло. Каким-то непостижимым образом наши души совпали. Поймали одну волну в бесконечном диапазоне звука, чтобы зазвучать в унисон.

Так странно... Всю свою жизнь в этой бескрайней вселенной я находился один. Кружил между галактик, прекращал существование, вновь возрождался, и снова куда-то мчал, пойманный сетью Сансары¹... Подхваченный ходом време-

¹ Сансара – круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии: душа, тонущая в «океане сансары», стремится к освобождению (мокше) и избавлению от результатов своих

ни. И так уж сложилось, что в этой жизни я видел и понимал даже больше, чем мне бы того хотелось. Но я никогда не думал, что где-то рядом, в параллельных мирах существует тот, кто мне предначертан. Тот, с кем я зазвучу, как самая лучшая песня.

– Можно, доктор?

Её голос музыкой разливается у меня в ушах. Мое тело оживает, моя душа рвется к Тане навстречу.

– Проходите, пожалуйста. Как самочувствие?

– Я... Не знаю.

– Не знаете?

– Да... простите. Глупость такая... Нет времени остановиться и прислушаться к себе. У сына выпускной в школе... – добавляет она, словно это хоть как-то оправдывает ее преступное к себе невнимание. Я слышу шорох ткани, она взволнованно проводит руками по одежде. Хмурюсь.

– А лечение?

– Ох... Я обязательно все сделаю, доктор! Только закончится эта эпопея с выпускным.

– Раздевайтесь, – еще сильнее хмурюсь я и подкатываю ближе столик со всякой нужной медицинской требухой, – без параллельного медикаментозного лечения эффективность массажа снижается в разы.

– Я в курсе... Еще раз извините.

Хочется рывкнуть. Едва сдерживаю себя. Будь на ее месте

любой другой пациент, я бы просто напомнил, что хуже он делает только себе, и на этом бы тема была закрыта. Но с ней... Меня беспокоит ее невнимание к себе. Оно меня злит. Как злит и тот, кто с ней рядом. Будь Таня моей, я бы ни за что этого не допустил. Я бы следил за ее здоровьем, я бы... Господи, зачем я об этом думаю?

– Раздевайтесь, – говорю, возможно, чуть более резко, чем следовало.

Таня ничего мне не отвечает, но я слышу стук каблуков, которые она сбрасывает, и шорох одежды. Пытаюсь представить, что это может быть... Платье или брюки? Склоняюсь к мысли, что она предпочла бы платье. Перед глазами возникает ее точеная фигурка. Тонкая талия, округлые бедра, аккуратный животик и пышная грудь, скованная лифчиком цвета пыльной розы. Не знаю, почему, но я практически уверен, что мой мозг транслирует картинку в режиме реального времени. Завожусь с полуоборота. Мгновенно. Зажмуриваюсь, как кретин, но от этого кадры перед глазами никуда не исчезают. Таня отбрасывает лифчик прочь, и я вижу ее соски. Твою ж мать!

– Я готова, доктор.

Подхожу к кушетке, на которой она лежит. Меня так штырит, что не справляюсь с внутренним навигатором и врезаюсь в стол. Опрокидываю стоящие на нём пузырьки. Слышится шум – Таня вскакивает.

– Я сейчас все соберу...

– Я сам!

Она отступает мгновенно! В ней нет этого уродского желания сделать все на свой нос, во что бы то ни стало. Пусть даже ценой гордости другого человека. Да... Она отступает, а я приседаю и начинаю шарить руками по полу. Мне удается довольно быстро собрать салфетки, которые я отправляю в мусорную корзину, и две баночки с маслом для массажа.

– Слева под тумбочкой антисептик... – подсказывает Тания. Я сдвигаю ладонь чуть влево и нашариваю злосчастный пузырек. – Всё! – раздается ее тихий голос. Киваю и вытягиваюсь во весь рост. Возвращаюсь к раковине, мою повторно руки и достаю из шкафа чистые бумажные полотенца.

Меня немного выбило из колеи произошедшее. Все-таки демонстрация слабости всегда дается нелегко. Любому мужчине, даже тому, кто примирился со своим статусом человека с ограниченными возможностями.

– Сегодня мы несколько увеличим нагрузку.

– Ладно...

Я наливаю масло, грею его в ладонях и, наконец, касаюсь ее... Кажется, что в этот момент меня прошибает током, я даже вздрогнул, отчего она, удивленная, завозилась.

– Не шевелитесь, – мой голос осип. А опускаю веки и веду по узкой спине руками. Все, что я при этом испытываю, настолько мощно, что я боюсь отпустить контроль. Не знаю, что со мной случится, если впущу в себя эти чувства. С удивлением отмечаю, что дыхание Тани учащается. Будто мы, и

правда, с ней одно целое – я так же жадно пью кислород. Становится жарко, хотя система кондиционирования в нашем спорткомплексе исправно функционирует. Так уж сложилось, что летом в наших широтах уж слишком тепло, а зимой довольно прохладно. И те деньги, которые мы берем за абонемент, подразумевает, что мы не только в курсе этих непреложных истин, но и готовы обеспечить клиентам комфортную температуру в любое время года. Комфортную – это такую, которая в жару не убьет их сердечным приступом. Который, клянусь, вот-вот случится со мной.

Заставляю себя сконцентрироваться на процедуре. Начинаю круговые поглаживания. Иду руками от поясницы к шее. Прислушиваюсь к Таниному частому дыханию. Чем сильнее углубляюсь в её мышцы, тем настойчивее испытываю собственные пределы. Я как будто завоеватель, вплотную подбравшийся к всюю обороняющейся крепости. Ставлю себя под удар. Пусть тысячи стрел взмоют в небо, для меня нет обратной дороги. Она моя. Я либо сорву банк, либо все проиграю. А без нее ничего не будет... И других не будет. Никогда. Она моя истинная любовь. Я прожил сотни жизней, и каждый раз возвращался на землю лишь для того, чтобы ее отыскать. Осознание правды ставит меня на колени. От моей отстранённости не остается следа, стены падают, и меня закручивает водоворотом.

– Все в порядке? – слышу ее нерешительный голос.

Нет... Ни черта! Почему в тебе столько боли, Танечка?

Почему ты вся – обнаженная рана? Мне хочется выть. Мне хочется все разнести, к чертям собачьим. Почему?! Почему я не нашел тебя раньше?

Отворачиваюсь к окну, в котором, один хрен, ничего не увижу. Дурацкая привычка. Никак от нее не избавлюсь.

– Мне нужна минуточка.

– Хорошо, – голос Тани наполнен удивлением и покорностью.

Я стою так некоторое время, и лишь обрета контроль, вновь поворачиваюсь к ней лицом:

– Вы что-нибудь слышали о массаже тибетскими чашами?

Кажется, мой вопрос ставит Таню в тупик. Она тихонько откашливается:

– Нет... Понятия не имею, что это за зверь.

Я возвращаюсь к столу. Касаясь ее плеча, приказываю:

– Ложитесь, продолжим...

Она укладывается на кушетку, и я возвращаюсь к прерванному массажу, сопровождая свои действия целым потоком слов:

– Тибетский массаж поющими чашами – это уникальная оздоровительная система, позволяющая восстановить энергетический баланс организма воздействием звука на первопричину заболевания. Методика такого массажа сводится к следующему: чаши накладываются на лежащего человека или расставляются в определенной последовательности вокруг его тела, после чего кручением специальной палоч-

ки-резонатора по краю чаши либо ударами по ней специалист извлекает из чаши звук. Из различных комбинаций таких действий и состоит виброакустический массаж.

Я замолчал, и она неожиданно рассмеялась:

– Признайтесь, вы шарлатан?

– Нет, – невольно улыбнулся я в ответ, еще глубже разбивая ее окаменевшие мышцы. Таня застонала, а я продолжил. – Скорее даже, напротив, – на секунду мой голос оборвался, но после уверенно продолжил. – Вам нужен этот массаж, Таня. Он... вызывает глубокое расслабление, уменьшает беспокойство, повышает стрессоустойчивость, способствует нормализации сна...

– А как же ваш плотный график?

– А... Да. Вот черт...

Она тихо смеется, а я, как дурак, счастлив от того, что невольно подарил ей радость.

– Если вы захотите попробовать, я найду время. Просто позвоните...

Заканчивая с массажем, накрываю ее простыней и отхожу к столу, где-то здесь должны храниться мои визитки. Нашу-пываю клочок картона. Лишь бы не перепутать и не отдать визитку спорткомплекса. Скольжу по картону пальцами – на моих предусмотрено специальное тиснение.

– Не вставайте... Пятнадцать минут – покой! Забыли?

– Извините...

– Нельзя так часто повторять это слово, – заметил я будто

бы между прочим, – вот, здесь указан мой телефон. Позвоните, если все же захотите попробовать. В любое время.

Таня отчего-то смущается, я чувствую эту вибрацию. Выдыхаю только тогда, когда она забирает визитку из моих рук. У нас пока нет других точек соприкосновения, но мое желание ей помочь выходит на первый план, и здесь подойдут любые варианты.

Остальное время молчу. Не хочу быть навязчивым – это может ее испугать. Таня и так довольно настороженно отнеслась к моему предложению массажа. Она не была глупой и, очевидно, поняла, что я далеко не для всех готов менять свой рабочий график. А потому мне нужно быть осторожным. В Тане так много трещин, что, боясь распасться на части, она будет бежать от всего, что может хоть как-то её поколебать.

Время стремительно убегает. Таня встает и одевается, и я не могу ее больше задерживать. Да и у меня полно дел. За дверью, я уверен, уже дожидается один известный широкой общественности футболист. А я, как ни как, профессионал. Напоследок не выдерживаю, напоминаю Тане о своем предложении. Слышу ее голос от двери:

– Да-да, тибетские чаши... Я помню.

– Тибетские звуковые чаши, Танюша! – врывается в наш разговор посторонний голос. – Ну, где бы мы еще встретились?!

– Марик?! Какими судьбами? Ты почему не на сборах?!

– Таким потрепанным жизнью старичкам, как я, положе-

ны льготы! Ты разве не знала?

– Брось! Тебе всего тридцать два!

– И твой двадцатилетний сыночек уже метит на мое место! Степан, скажите, разве это не преступление, когда у настолько шикарной дамы такие взрослые нахальные детишки?

Таня смеется, обзывает центрального форварда национальной сборной страны безбожным льстецом и, сославшись на срочные дела, торопливо прощается.

Я растерян. У Тани есть дети, это, в принципе, ожидаемо. Но я и представить не мог, что они настолько взрослые.

– Смотрю, ты неплохо знаешь мою предыдущую пациентку, – будто бы невзначай бросаю Марку. Парень довольно разговорчив и моментально подхватывает тему. На это и был расчет.

– Таню? Её все наши знают. Она мать Данила Голубкина. Красотка! Да и он хороший парень... Если бы еще не дышал мне в затылок – цены бы ему не было.

Я больше ничего не спрашиваю. Приходится концентрироваться на работе.

К счастью, мой последний пациент отменяется. И я получаю возможность сделать то, что задумал. Звоню в один из салонов красоты, принадлежащих моей самой близкой подруге наряду со спорткомплексом, в котором я и тружусь. Прошу к телефону Женю. Я редкий и желанный гость в их заведении, поэтому, ничего не спрашивая, она соглашается

задержаться допоздна. Приходится взять такси. Хотя я не люблю в них ездить, задерживать Женьку из-за собственной дури мне категорически не хочется. Когда я приезжаю, в салоне царит тишина, и это означает, что рабочий день уже давно закончен.

– Ну, рассказывай, по какому поводу срочность? – раздался прокуренный голос.

– Да без повода. Обреешь меня?

– Под ноль?

– Да. И бороду...

– И не жалко тебе... – сокрушается Женя, подталкивая меня к креслу.

– Так надо, – отмахиваюсь я, не желая обсуждать эту тему. Женька понятливая, с мозгами. В душу не лезет, но при случае с ней можно поговорить обо всем.

Во многих религиях мира считается, что, пройдя пострижение, человек полностью обновляется – как бы рождается заново. Но я стригусь не поэтому. Мне нужно обновить свою тонкую энергию, дабы легче очистить свое сознание. Это поможет мне быть сильнее, если Таня все же обратится за моей помощью.

Глава 4

Чувствую себя наркоманкой, под ударной дозой дури. Я, наверное, и выгляжу так – ненормально. Глаза лихорадочно блестят, движения дерганые и суетливые. Момент истины приближается, а я только и могу, что запрещать себе думать об этом. Уснуть не получается, несмотря на нечеловеческую усталость. Это худшая пытка – хотеть спать до рези в глазах, и не иметь такой возможности. Легкие седативные не помогают. Валерьянка... Валерьянка сейчас настолько дерьмовая, что даже кошки, недоуменно поглядывая, без всякого интереса проходят мимо. Что уж говорить о конченных неврастеничках, вроде меня?

Сегодня у Демида выпускной, а у меня все валится из рук. Еще столько всего нужно сделать, а я никак не могу прийти в норму. Общественная работа на посту главы родительского комитета, которая, несмотря на все нюансы, раньше доставляла лишь удовольствие – теперь ничего, кроме желания удавиться, не вызывает. Тупые вопросы горе-родителей, ответы на которые были озвучены в нашем совместном чате уже, наверное, тысячу раз, сводят зубы. И я всерьез опасаюсь, что если кто-то еще хоть раз спросит, что мы дарим классной руководительнице на выпускной – я сорвусь и обрушу этот чертов чешский сервиз прямо ему на голову.

– Танюша, привет! Подскажи, что-то я прослушала... Как

наши дети добираются до ресторана?

– С родителями...

– А разве не проще было бы нанять автобус?

Закатываю глаза и медленно выдыхаю! Это тоже проговаривалось тысячу раз! Централизованные выезды детей требовали столько согласований, что даже я, имея мужа начальника уголовного розыска, не смогла бы их получить, не поседев.

– Нет, Маргарита. Это очень сложно организовать...

– Но было бы лучше...

– Извини! Мне пора бежать – привезли цветы для оформления зала!

Вру! Вру безбожно! Цветы привезли еще ночью, и композиции для украшения столов в ресторане мои девочки-флористы составляют уже несколько часов. Наш бюджет в этом отношении был весьма ограничен, для многих родителей живые цветы показались непозволительной роскошью, но я все же не отказалась от этой идеи. Мне принадлежал небольшой цветочный магазинчик, и я могла приобрести шикарные сезонные розы по довольно демократичным закупочным ценам.

– Лесь, сколько еще осталось?

– Две композиции на родительские столы...

– Отлично, давайте я чем-нибудь помогу...

Занять руки. Занять голову. Не думать, не думать, не думать... Втыкая веточки черноплодной рябины между кремо-

вых роз и листьев папоротника, я повторяла эти слова как заклинание, но страх все сильнее захлестывал. Он был иррациональным. Во всяком случае, вряд ли бы его понял любой другой человек. Никто не мог уразуметь, почему я так долго терплю измены мужа. Меня считали мазохисткой, мне даже никто не сочувствовал, как это обычно бывает в таких случаях. Глядя на меня, люди скорее крутили пальцем у виска. Им казалось, что это так просто – взять и перечеркнуть все, что было. Стереть из памяти, выдрать из сердца. Разрушить семью... А я не могла! Для меня семья была неприкасаемой. Самым ценным, что вообще может быть. Возможно, оттого, что я сама росла сиротой. Мои родители погибли в автотастрофе, когда мне было всего два года. Воспитывала меня старенькая бабушка. Ласковая и добрая... Но даже она не могла заменить мне маму и папу. А потом, как-то сразу из детства, я попала во взрослую жизнь. И, наверное, просто с нею не справилась...

– Тань... Таня...я...

– Да? – очнулась я.

– Телефон...

Я растерянно смотрю на молоденькую девочку, подрабатывающую у меня флористом, и перевожу взгляд на вибрирующий айфон, лежащий чуть в стороне. Увидев, кто звонит, резко хватаю трубку.

– Привет, старший сын... – щедро сдабриваю голос радостью.

– Привет, ма. Ну, рассказывай, как вы там...

– Ничего. У Демида сегодня выпускной, ты помнишь?

– Забудешь тут. Мы с ним чатились вчера до полночи...

Все уши мне прожужжал.

– Он может. – Улыбаюсь, почти по-настоящему. Я безумно рада слышать Данила. Он мне нужен сейчас. Очень нужен.

– У вас все хорошо? С папой и...

Голос Данила обрывается, и мое сердце обрывается вместе с ним. Я догадывалась, что и для него беременность отцовой любовницы – не новость, но... даже сейчас не была готова обсуждать эту тему.

– Нормально... Расскажи лучше, как проходят твои сборы!

– Мам... – он ничего не говорит. Между нами повисают произнесенные слова и тысячи километров. Я бы хотела его обнять. Моего маленького большого сына. Я бы так хотела его обнять...

– Я ужасно по тебе соскучилась, Данька... Ужасно!

– Я тоже, мама. Ты... ты держись, ладно? И... может, к черту его?! Ну, правда! Сколько можно?!

Сглатываю колючий ком в горле и зажимаю глаза. Я не одна... Я не хочу сломаться у посторонних на виду.

– Давай потом, ладно? – наконец выдавливаю из себя.

– Ладно, – вздыхает мое сокровище, – но ты подумай над тем, что я тебе сказал.

Бормочу что-то невнятное в трубку, и разговор постепенно сходит на нет. Откладываю телефон, отворачиваюсь к крошечному окну. Подумай... Над тем, чтобы бросить мужа. Данька, конечно же, намекает на это. Интересно, что бы он сказал, если бы знал, как дело обстоит на самом деле? Что бы он сказал, если бы знал, что это Саша бросает меня? Что это именно я из последних сил цепляюсь за убитый с особой жестокостью труп наших с ним отношений? Что это именно я, как последний маньяк, откапываю его из могилы? Перестал бы он меня уважать, как я уже себя уважать перестала?

– Таня...

– Да?

– Композиции готовы, ты сама их отвезешь в ресторан, или...

– Да, Оль, грузите в машину. Мне все равно еще нужно проследить за украшением зала шарами.

Скользю взглядом по рядам аккуратных цветочных композиций, составленных в одинаковом стиле. Разница только в том, что для украшения столов выпускников использовались белые розы, а для родительских – темно-алые. Я очень люблю свое дело. Возможно, именно оно не дало мне свихнуться. Цветы – это всегда маленькая радость, а я могу ими любоваться, сколько будет душе угодно. Обычно мне это помогает отвлечься. Обычно... но не сегодня.

Встряиваюсь, помогаю девочкам разместить цветы в огромном багажнике моей, возможно, не самой женской

Toyota RAV4. Моя машина – подарок сына. Свой первый значимый гонорар он потратил на подарок мне. Вот так вот... Возможно, в этой жизни я все делала неправильно, но сыновья у меня получились чудесные! И, наверное, это с лихвой компенсирует все остальное.

В ресторане все под контролем. Сцену украшают гелиевыми шарами, все идет точно по графику. Я с облегчением выдыхаю. Мое время расписано буквально по минутам, и любая задержка некстати. Через полчаса меня ждут в салоне красоты. Я записана на прическу и макияж. На что я рассчитываю – толком сама не знаю. Просто не хочу подвести сына – убеждаю себя. Вряд ли все эти приготовления впечатлят моего мужа настолько, что он передумает от меня уходить. Вздрагиваю. И снова гоню прочь мысли об этом.

Спустя пару часов возвращаюсь домой. Красивая и еще более взвинченная, чем в начале дня.

– Ну, слава богу! Я думал, мне уже никто не поможет с этим чертовым платком!

– Не сердись... – улыбаюсь сыну и отвожу его руки от модного шейного платка, который тот пытается повязать, – отец еще не приехал?

– Нет! – бурчит сынок.

Если сравнивать с Данилом, Демид более гонористый и резкий. Пытаюсь понять, в чем дело на этот раз. Обычное волнение перед ответственным днем?

– Вот... Так гораздо лучше. Ну-ка. Посмотри.

Вместе мы поворачиваемся к зеркалу.

– Ну... Ничего вроде.

– Ага! Тебе сделали отличную укладку.

– Этот козлина сказал, что приедет прямо в школу... –

выпалил сын, отворачиваясь.

– Демид! Ты... ты зачем так?

– А ты зачем?! К х*рам гони этого уёб...

– Демид! – одергиваю сына. Меня трясет, я пытаюсь взять себя в руки, но это нелегкая задача. Выдыхаю. – Так, давай договоримся... Сегодня у нас праздник! Мы не думаем о плохом и получаем удовольствие от происходящего. Все остальное решаем... Решаем завтра. Договорились? – смотрю требовательно в глаза сына, так похожие на мои. Он высокий, и мне приходится задирать голову. Удивительно, что наши с Сашкой дети вымахали такими. Ни он, ни я не отличаемся особым ростом.

Демид ничего не отвечает. Просто смотрит на меня как-то странно. А потом молча уходит в свою комнату. А я отправляюсь в свою. Мне нужно переодеться.

– Демид! Выдвигаемся через десять минут! – кричу я, извлекая из шкафа белое платье. У меня не было свадьбы. И, возможно, моя любовь к белым вечерним туалетам объясняется этим. Мой образ дополняют серебристые босоножки, маленький клатч и лихорадочный румянец на щеках.

Выдыхаю только тогда, когда Саша с опозданием появляется в дверях школьного актового зала. Как продержалась

до этого – бог его знает. Затылок ломит от напряжения, и все свои усилия я концентрирую на том, чтобы не сорваться. Щеки сводит фальшивой улыбкой. Демида уже вызывают на сцену, когда его отец подходит к нам. Сын улыбается и нарочно задевает его плечом, прокладывая себе дорогу. Сашка плюхается в кресло рядом со мной, пронизывая меня злым, колючим взглядом. Делаю вид, что ничего не произошло. Я счастлива! Мой младший сын окончил школу с отличием. Мне есть, чем гордиться.

– Хорошо хоть этому мои мозги достались, – тихо-тихо комментирует происходящее муж, но я вздрагиваю так, будто бы он вдруг заорал во всю глотку. Саша знает, на что давить. По понятным причинам, я не имела возможности получить высшее образование, и всегда, когда муж хотел меня задеть – данный факт ставился мне в упрек. Я уже привыкла к этому. И сейчас моя болезненная реакция была вызвана вовсе не очередной попыткой меня унижить. Мне до слез стало обидно за старшего сына, которого Сашка... Не сказать, что не любил, нет... Просто... винил, наверное, так до конца и не простив, что моя беременность первенцем вынудила его значительно подкорректировать планы на жизнь. Будто бы это Данька был в том виноват! А не мы сами. Желание впиться в сытую морду Голубкина стало непреодолимым.

Праздничный вечер прошел для меня в каком-то угаре. Сама не знаю, как его пережила. На запланированную встречу рассвета меня уже не хватило. Препоручив Демида одной

знакомой супружеской паре, жившей по соседству, я, сославшись на головную боль, пошла к машине.

– Подвезешь?

– Конечно, – покладисто соглашаюсь, разглядывая изрядно подвыпившего мужа. – Куда везти хоть? – не могу удержаться от колкости.

Тот зыркнул на меня и выплюнул зло:

– Домой. Вещи надо забрать!

– Какая необходимость уходить на ночь глядя? – тихо спрашиваю я, сжимая руль так сильно, что побелели костяшки пальцев.

– Большая! Меня, может, ждут!

Молчу в ответ. Иначе... не знаю! Сорвусь. Наделаю глупостей. По ступеням подъезда поднимаюсь, как на голгофу. Он уйдет. Уйдет прямо сейчас, и что тогда? Что я буду делать, как жить? Ради чего? Саша столько лет был центром моего притяжения, что без него я... просто уплыву в открытый космос. В чертов открытый космос. Стаскиваю надоевшие босоножки. Ноги гудят. Отрешенно рассматриваю лопнувшую мозоль на косточке большого пальца. Обхватив себя руками, закрываю пробоину в сердце.

– Не рекомендую тебе настраивать детей против меня... – уже у самой двери оборачивается Саша.

– Против тебя? – моргаю я, чувствуя, как жуткая черная ненависть, переполнив чашу терпения, устремляется вниз по моему телу. – Ты думаешь, я бы стала это делать, Саша?

Захлебываюсь болью. Мы двадцать лет вместе, а он и не знает меня толком... Сжимаю руки сильнее.

– А то ты не видела, как Демид себя вел!

Я стискиваю кулаки и буквально цежу каждое слово:

– Он вел себя по обстоятельствам. Ты сам заслужил такое к себе отношение. Трудно уважать отца-кобеля, который тр*хает все, что движется...

– Заткнись! Я тебя предупредил, Таня! Станешь их подстрекать – со света белого сживу. Поняла?

Саша подходит вплотную ко мне и хватается за горло. Мне не страшно, хотя мой муж далеко не пай-мальчик. Ну, серьезно? Чего мне бояться? Даже если его пальцы сожмутся сильнее, и я умру. Это не страшно... Вполне возможно, это – лучшее, что может со мною случиться. Я сдвигаю голову, чтобы очутиться как можно ближе к нему, наплевав на все усиливающееся чувство удушья. Практически касаюсь губами уха, шепчу:

– А не пошел бы ты на х*й?

Глава 5

Я вскакиваю, как будто от толчка. Сердце колотится, как сумасшедшее, пот струится по лицу. Мне тысячу лет не снились кошмары. Справиться с ними было непросто, но те практики, которыми я овладел в Тибете, со временем позволили мне вернуть гармонию и в собственную жизнь. Тем непонятнее было то, что случилось. Сделав несколько глубоких вдохов, я спустил ноги с кровати. Прошел к окну, нащупал ступней коврик для медитации и опустился на него. Попытался максимально расслабиться, чтобы заглянуть внутрь себя, понять причину беспокойства. Еще раз глубоко вдохнул, чувствуя, как жаркий поток кислорода распространяется по всему моему телу. Сейчас я должен почувствовать легкость... Но этого не происходит. Моя тревога все сильнее нарастает. Тогда я снимаю блоки и устремляюсь вслед за ней.

Что-то с Таней. Вскрываю на ноги, проверяю время, и в отчаянии провожу рукой по бритой голове. У меня нет ее телефонного номера! Я не знаю, где она живет... Я вообще ничего о ней не знаю, дьявол все забори! Два часа ночи... В спорткомплексе никого нет, а сам я в жизни не отыщу ее контакты в компьютере! Мечусь по квартире, каждой клеткой ощущая, как вся моя хваленая выдержка летит к чертям. Впервые чувствую себя настолько беспомощным. Успокаивает только одно – несмотря ни на что, Таня жива. Чисто

физически ей ничего не угрожает. О состоянии ее психики я бы не брался судить. Там все сложно... Вдруг вспоминаю, что сегодня у ее сына выпускной. Это случилось там? Или после? Злюсь, что ничего не вижу. Дьявольски злюсь...

В семь утра не выдерживаю. Звоню нашему администратору и прошу отыскать мне номер Татьяны Голубкиной, вру что-то несвязное, оправдывая срочность, но все же настаиваю! В девятом часу Леночка приезжает в спорткомплекс, хотя открываемся мы не раньше десяти. Спустя еще пять минут закрываюсь у себя в кабинете и диктую Сири заветный номер. Долго слушаю гудки, и в самый последний момент слышу хрипкое «алло».

На секунду в трубке повисает тишина. Я ругаю себя, что за столько времени не придумал, как начну разговор. Не нахожу ничего лучше, чем:

– Таня...

– Да... – опять же хрипло и удивленно, а мне ее голос – как наждачкой по спинному мозгу, – а я с кем говорю?

– Это Степан. Степан Судак... ваш врач-реабилитолог.

– Степан Николаевич? Что-то случилось?

– Эээ... – блею, дурак-дураком. – Вообще-то да. Извините за ранний звонок, но... у меня совершенно неожиданно освободилось местечко! И, если вы хотите провести пробный массаж тибетскими поющими чашами, дабы сориентироваться, нужен ли он вам, то мы могли бы попробовать прямо сегодня.

– На сегодня у нас с вами назначен массаж лечебный...

– Да, я помню. Одно другому не мешает.

– Дело не в этом, – Таня откашливается, и ее голос приобретает странные звенящие нотки, – просто я... травмировала спину, и...

В моих висках ломит, а за грудиной печет. Я стискиваю зубы.

– Что-то серьезное? – спрашиваю довольно спокойно, буд-то это не у меня внутри все звенит от напряжения.

– Нет, обычный ушиб. Я такая неловкая...

Она врет. Не знаю, почему, но я в этом абсолютно уверен.

– Вы были у врача?

– У врача? Зачем? Я просто поскользнулась в ванной.

– Это может быть опасно, – настаиваю, – я могу организовать вам нормальный осмотр в травме без очередей и...

Я замолкаю, и Таня молчит. Между нами повисает невысказанное. Наконец, целую вечность спустя, слышу ее мягкий, напрочь лишившийся всякой колючести голос:

– Спасибо вам. Правда... спасибо. Но я действительно в полном порядке.

– Не поверю, пока не удостоверюсь лично! У вас какие планы на утро?

– Ну... в первую очередь нужно открыть магазин. Мне... принадлежит небольшой цветочный на Набережной.

– Это займет у вас много времени?

– Нет... – вконец теряется та.

– Значит, я вас жду у себя сразу после открытия.

Интуитивно понимаю, что по жизни Таня привыкла уступать. Иду ва-банк. Терять уже нечего. Если я не увижу ее в ближайшее время, то просто сойду с ума. Сам не верю своему счастью, когда она, прежде чем положить трубку, шепчет:

– Хорошо...

И снова ожидание, наполненное колючей тревогой. Она как паутина оплетает меня и зудит на теле. С меня будто бы сняли кожу – настолько остро чувствую эти касания. Вся моя жизнь теперь – это чувства. Я бы должен уже привыкнуть, но в этот раз все происходит настолько остро, что я снова начинаю сходить с ума. И я слышу... обрывки злых фраз, упреки... Чувствую чужие руки, сжавшиеся у меня на шее и отбирающие мой кислород. Ощущаю сладкий смрад перегара и немного кислый – духов. Не её! А потом глаза застилает алым.

– Стёпа... Степан?!

Как сквозь сон, до меня доносится обеспокоенный голос начальницы.

– Привет, Золото, – шепчу я, стряхивая с себя остатки наваждения.

– Все хорошо?

Моей щеки касается мягкая женская ладонь с дрожащими от волнения пальцами.

– Хорошо, – подтверждаю я.

– Ты добрился... – рука скользит вверх и гладит мою го-

люю макушку.

– Да, забегал к Жене недавно.

– Не расскажешь, что за срочность сегодня была?

Пожимаю плечами. У меня нет секретов от лучшей подружки. Но и говорить пока не о чем. Я сам до конца не понимаю, что происходит.

– Так надо, – выдаю, наконец. – Верить?

Стелла молчит. Наверное, она просто смотрит на меня в попытке найти слова и, наконец, обнимая меня, шепчет куда-то в подмышку:

– Верю, Степочка. Только волнуюсь за тебя... очень.

Обнимаю ее в ответ:

– Я знаю, – выдыхаю печально.

– Извините, я... кажется, рано?

Я поворачиваюсь на звук и с облегчением выдыхаю. Стелла отстраняется.

– Нет, вы как раз вовремя. Проходите...

Раздаются тихие шаги, и в кабинете вновь устанавливается тишина.

– Не буду вам мешать, – раздается голос Стеллы через некоторое время. Я киваю головой, не сводя глаз с того места, где, как мне казалось, стоит Таня.

– Начнем? – спрашиваю у нее, когда дверь за подругой захлопывается.

– Наверное... Что я должна сделать? Раздеться?

– Нет. Это совершенно не обязательно. Укладывайтесь

вот на эту циновку, а я приготовлю все необходимое.

Я тянусь к шкафу, где хранится весь необходимый инвентарь. Злюсь, что не догадался захватить из дома кое-что получше, и мысленно делаю зарубку все исправить, если Таня все же решится ко мне прийти в следующий раз. О том, что этого может и не произойти, стараюсь не думать. Извлекаю чаши, расставляю их вокруг пациентки, сопровождая свои действия небольшой вводной лекцией:

– Тибетские поющие чаши известны с давних времен. Это древние бесценные сокровища...

– Насколько древние? – спрашивает Таня, но я не вижу ее реальной заинтересованности в беседе. Складывается впечатление, что она просто заштриховывает тишину словами. Будто тишина – ее худший враг.

– О, очень древние...

– И эти?

– И эти, – заканчиваю приготовления, накрываю Таню хлопковой простыней. – Но все же данные чаши предназначены для массового использования.

– А есть и другие?

– Да. У меня дома. Чаши непревзойденного качества...

Мои сокровища.

– И чем же определяется качество этих штук? –

– На самом деле здесь очень много параметров. Наиболее важные – ширина спектра звука, его механика вибрации, длительность звучания, сплав, из которого изготовлена ча-

ша, ну и, конечно, культурная ценность.

Я замолкаю и приступаю к процедуре, выполняя бесконтактный прозвон основной чашей. Три раза, последний – до полной остановки вибрации. Веду резонатором по краю чаши, закрываю глаза, прислушиваюсь к звукам. Вибрация нарастает, и Таня потихоньку расслабляется. Я осторожно перемещаюсь вокруг нее и извлекаю звуки из всех задействованных чаш сначала каучуковым стиком, а потом – в той же последовательности – деревянным. Комбинирую направление воздействия относительно часовой стрелки и осей тела. И завершаю процедуру бесконтактным прозвоном основной чашей по всему телу. Дожидаюсь затухания звука.

Осторожно касаюсь Таниной руки и натываюсь на марлевую повязку. Хватаю ртом воздух, глотаю рвущиеся наружу вопросы. Во-первых, потому, что процедура еще не окончена до конца. Во-вторых, наседать на нее вот так – значит, лишний раз отпугнуть. А мне кровь из носу нужно докопаться до сути...

– Сейчас вы должны сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, а затем пошевелить пальцами рук и ног.

– Готово, – несколько секунд спустя шепчет она.

– Потянитесь... Перевернитесь на правый бок и полежите так две-три минуты.

Отступаю в сторону, подхожу к столу, где при помощи чаши приготовил заранее один хитрый травяной чай. Я все еще не знаю, что произошло у Тани, и это меня убивает, но...

Теперь я, по крайней мере, уверен, что она не наделает глупостей. Ей лучше, после массажа. Я чувствую.

– Это нужно выпить, – протягиваю ей чашку и усаживаюсь напротив в позе лотоса. Даю ей несколько минут, чтобы прийти в себя, и только потом спрашиваю: – Ну, как?

– Волшебно... Нет, правда! Вы не представляете, насколько мне легче, – в ее голосе снова появляются хриплые удивленные нотки. – Где вы этому научились?

– В Гималаях, в горах Аннапурна и Кайлас, вблизи священных озер Ракшастал и Манасаровар...

– Никогда не думала, что это так... – шепчет она, – спасибо вам огромное... Вы даже не знаете, как мне это было нужно.

– Или знаю, – признаюсь я, но тут же перевожу тему: – Как ваш ушиб?

– Болит, да и только...

– А что с рукой?

– Порезала... Такая глупость – ваза упала.

Таня не успевает даже договорить, как у меня перед глазами возникает сцена – летящие на пол алые, как кровь, розы, и прозрачные осколки стекла.

– Я, пожалуй, пойду, – в ее голосе сейчас преобладают кобальтовые оттенки. Так выглядит ее невозможное одиночество. Я вижу его глазами Тани, иначе оно бы имело вкус, а не цвет.

– Таня...

– Да?

– Если вам будет нужна какая-то помощь, или просто захочется поговорить... неважно, на какую тему, обещайте, что позвоните мне.

– Вы это предлагаете каждому своему пациенту? – негромко интересуется она после короткой паузы, когда я уже, было, решил, что зря это все затеял.

– Нет. Только вам.

– Выходит, я какая-то особенная? – в ее голосе слышится слабая вымученная улыбка, и я не нахожу ничего другого, кроме как ответить:

– Для меня – да.

Она никак не комментирует мои слова, просто выходит за дверь. Только тогда до меня доходит, что мы так и не договорились о следующей процедуре массажа. Выдыхаю с шумом и бьюсь затылком о стену.

Маюсь целый день, я уже не помню, как жил до ее появления. Везде она... Теперь везде она. Не помогают ни зал, ни медитация. И как ей объяснить это все? Как донести, чтобы поверила? Как рассказать, и не прослыть безумным? Она сейчас – открытая рана. Она сейчас – целиком на другом помешана. Или... Закрываю глаза. Чувствую скольжение рук по рукам. По неровным рекам вен, по загрубевшей на солнце коже. Она обнимает меня со спины, касается теплыми губами позвонков у основания шеи, переплетает свои тонкие нежные пальцы с моими – массивными и обветренными. И

я задыхаюсь. Мои руки конвульсивно сжимаются, и, наверное, если бы все происходящее было реально, я бы сделал ей больно. Заставляю себя расслабиться, ее губы смещаются ниже, а руки, напротив, стремятся вверх, обхватывают мою лысую голову. Язык чертит жаркую полосу вверх по спине, оставляет влажный след, а кондиционированный воздух холодит мою кожу. Дыхание учащается, когда ее теплая мягкая ладонь осторожно обхватывает мою отяжелевшую мошонку. Шиплю, утыкаюсь лицом в подушку, зубами прихватываю край. А ее зубы смыкаются на моей выдающейся трапеции.

– Таня...

Глава 6

Его голос в моей голове – и я вскакиваю. Тело сводит от неудовлетворенного желания, низ живота тянет, между ног снова влажно, а руку жжет, как будто я, и правда, прямо сейчас ласкала его тяжелую налитую плоть. Поддрагивающими пальцами отвожу волосы от лица. Если бы не его тихий голос – неизвестно, куда бы завел меня этот странный... нет, наверное, даже не сон. Понятия не имею, как объяснить то, что со мной происходит. Возможно, я слишком далеко зашла в своем желании избавиться от одиночества, которое, по какой-то неведомой причине, отступало в обществе Степана Судака – моего незрячего массажиста.

Встаю с кровати, подхожу к окну, выходящему на закрытый двор нашего многоквартирного дома. Прислоняюсь боком к стене и непроизвольно морщусь. Конечно, я не поскальзывалась в ванной. Я наврала Степану, потому что стыдно было признаться, как я получила свою травму на самом деле. Да и зачем ему эта грязь? Не знаю, почему, но я твердо убеждена, что более чистого человека, чем он, в этом мире найти нереально. Меня преследует совершенно дикая в своем безумии мысль о том, что, вполне возможно, именно благодаря его свету я все еще не потерялась в своей бесконечной ночи.

В мою реальность врываются тени. Картинки вчерашне-

го вечера. Наш разговор с мужем, его ярость... Самое гадкое, что мне не на что жаловаться! Я сама его спровоцировала. Саша был пьян, и сделать это было очень легко. Вопрос в том, зачем мне это понадобилось? Не знаю! Возможно, чтобы боль физическая заглушила другую боль. Ту, что тупыми кинжалами кромсала мне сердце. Но, скорее, оттого, что я – конченная мазохистка, и мне просто важно знать, что муж еще испытывает ко мне хоть что-то. Ненависть, презрение, жалость... Что угодно, но не равнодушие. Мы были вместе двадцать лет. Больше, чем жили порознь. Я не могу смириться, что эти годы ничего после себя не оставили. Я не хочу утверждаться в мысли о собственной ничтожности. Это нестерпимо больно...

Тру поясницу. Я здорово приложилась о туалетный столик, когда Сашка меня отшвырнул. В нем клокотала ярость, а я, как оголодавший вампир, впитывала ее в себя.

– Шлюхе своей угрожай, – сипела, хватаясь за край столешницы в попытке удержаться на ногах, но голова противно кружилась от недостатка кислорода, и меня все равно качало из стороны в сторону, будто из нас двоих именно я была пьяная.

– Она нормальная девочка, а вот ты, похоже, совсем еба*улась!

– Нормальные девочки не разрушают чужие семьи! Не уводят мужиков из семьи! На это способны лишь низкопробные шлюхи!

Доведенная до предела, я схватила стоящую на столе вазу и, что есть силы, запустила ею в изменника. Может быть, он и прав. Может быть, я и правда схожу с ума. Никогда себе такого не позволяла... Моя ярость копилась долгие годы. Внутри я кипела, как огромный вулкан. И в какой-то момент просто утратила контроль над его стихией.

– Ты, на хрен, совсем больная? – взревел мой муж, сопровождая свои слова метким обратным выстрелом.

Он уклонился. Я – нет. В него летел целый сосуд. В меня – тяжелый осколок дна с неровными краями. Чудо, что он зацепил лишь руку. Возможно, если бы Сашка больше времени уделял своей физической подготовке, как того требует его должность, а не отлынивал от нее, чтобы в очередной раз наставить мне рога, его бросок и вышел бы более точным. И моя агония прекратилась бы...

Трясу головой, отгоняя грешные мысли. В который раз убеждаю себя, что нужно держаться хотя бы ради детей. Возвращаюсь к кровати, беру телефон и принимаюсь разглядывать фото, сделанные на выпускном Демида. Мы с ним отлично смотримся вместе. До сих пор не могу поверить, что он почти на голову выше меня. На одной из фотографий в кадр попал Саша. Движением пальцев увеличиваю изображение на экране и вглядываюсь в родные, знакомые не хуже собственных черты. Мой муж – блондин с яркими голубыми глазами. Невысокий, теперь коренастый, а раньше стройный, как эльф. Симпатичный, не старый. Сорок всего... Для мно-

гих в этом возрасте жизнь только начинается! Люди женятся, обзаводятся детьми, а я, может, скоро бабушкой стану. По крайней мере, Данька уже лет пять встречается с одной и той же девочкой, и понятно, к чему дело идет. А может, и лучше? Родят маленького, буду им помогать, отвлекусь хоть немного...

В кровать возвращаюсь ближе к утру. Зарываюсь носом в соседнюю подушку, но не нахожу того, что искала. Белье пахнет кондиционером и свежестью. Тогда я закрываю глаза и вспоминаю аромат, окутывающий меня в кабинете Степана. Ладан... Там пахло ладаном и миртом.

А утром с внеплановым визитом ко мне нагрянули родственнички.

– Алла, Тоня... Какими судьбами?

– Пришли узнать, как ты тут... – прокомментировала старшая сестра моего мужа, бесцеремонно отодвигая меня вглубь квартиры.

– Вас, что, Сашка подослал? – выгибаю бровь.

– Сашка – не Сашка! Какая разница? Где Дёма?

– Демид на турниках... – пожимаю плечами и шлепаю в кухню, понимая, что мне от них уже не отделаться. – Чай, кофе?

– Да ты что, жара такая!

Жара? Да, наверное. Но внутри у меня такой холод, что я постоянно мерзну.

– Ну, так, как ты тут? – повторяет свой вопрос Алла, а я

смотрю в ее светлые глаза, так похожие на глаза моего мужа, и не знаю, что ей ответить. Чего она ждет? Что я буду биться в истерике? Может быть. Это мы проходили... Когда я еще верила, что им действительно на меня не плевать.

– Нормально, – пожимаю плечами и морщусь – место ушиба простреливают пули боли.

– Саша сказал, что у тебя случился нервный срыв. Может быть, тебе стоит обратиться к психотерапевту.

Снова пожимаю плечами. Уже привыкла к тому, что сестры мужа раздают советы даже тогда, когда их об этом не просят.

– Думаю, Саша преувеличил проблему, как обычно, интерпретировав мое поведение так, как ему было удобно.

Алла с Тоней переглянулись и на некоторое время замолчали. Несвойственная им тишина. Обычно сестры без умолку болтали или смеялись... Громко.

Пожимаю плечами и заливаю воду в кофемашину. Может, им и жарко, а я никак не проснусь. Сыплю зерна и, опустив веки, вдыхаю их особенный аромат. Каково это – жить, ничего не видя?

– Таня... – голос Тони – средней сестры, звучит непривычно серьезно. Совершенно невольно я напрягаюсь. – Ты должна понять!

– Правда?

– Ну, конечно! Ты ведь была в аналогичной ситуации...

– Это когда же? – немного подумав, добавляю в свой кофе

ложку сахара, хотя и пью его обычно черным. Но сейчас во мне столько горечи, что... В общем, сахар – неплохой выход.

– Когда забеременела Данькой!

Я обернулась, неверяще качая головой:

– Я не гуляла с женатым, Тоня. Ты что-то путаешь.

– Я сейчас не об этом! – вспыхнула та. – Ну, подумай, Тань... Она молоденькая, беременная! Конечно, ей нужна поддержка мужчины. Неужели тебе ее совсем не жалко?

Не верю своим ушам. Хлопаю глазами, как последняя дура, в то время как моя нижняя челюсть все сильнее опускается вниз. Я даже слов не нахожу от такой наглости, но, как обычно в таких ситуациях, начинаю сомневаться в себе.

– Не жалко, – наконец выдаю я, бахая банкой с сахаром о столешницу.

– Нет, Тань, мы и тебя понимаем, ты не подумай... Но ему... Вот, что ему, по-твоему, нужно было сделать?

– Ему? Ну, даже не знаю... – из меня сочится сарказм. – Возможно, не гулять, как последний кобель.

– Танечка, ты же прекрасно знаешь, что большинство мужчин такие, так стоит ли портить себе нервы?

Отворачиваюсь к окну, щелкаю кнопкой кофемашины и медленно выдыхаю. Я уже давно не ищу справедливости. Но ее отсутствие все равно задевает. Как и пять – десять лет тому назад. Хотя в чем-то они и правы. Нервы себе портить не стоит, а вот с тем, что все мужики гуляют – лично я никогда не соглашусь. Так просто удобно думать. В равной степени и

изменниками, и тем, кому изменили.

– А я и не порчу, Тоня. И вообще... никого не держу.

– Ну, ты-то тоже не горячись! Столько лет терпела, и здесь не стоит опускать руки. Молодежь эта... Сама знаешь, какая ветреная. А Сашка к размеренной жизни привык. Надоест ему скоро эта Вика. И вернется он домой, как миленький. Туда, где все комфортно и привычно.

Искренне смеюсь под их подозрительными взглядами. Нет, я, конечно, понимаю, что каждый мыслит исходя из собственного опыта и субъективного понимания ситуации, но это... Это какой-то сюр. Как вообще можно так лихо всё вывернуть и вывалить передо мной, в надежде на то, что я в очередной раз съем их гнилую правду? Смахиваю слезы смеха с глаз и в который раз за день качаю головой. Сама виновата. Слишком долго прощала, раз они думают, что можно вот так, запросто, с этим ко мне прийти.

– Нет, дорогие. Вы уж извините, но прощать я устала. Все, что угодно, но не ребенок на стороне. Это за гранью даже моего поистине удивительного терпения.

Я озвучиваю то, что давно уже следовало, затыкая глотку воющей внутри безнадеге. Так правильно. Я не имею права прощать. Если хочу, чтобы от меня самой еще хоть что-то осталось. Если не хочу окончательно себя возненавидеть и потерять в той безвольной женщине, которую я все чаще не узнаю в зеркале.

– Ой, Тань, ну что ты из себя недотрогу корчишь?! Тебе

ли не знать, что это наиболее легкий способ захомутать мужика?! Это же и дураку ясно, что она специально залетела!

– Как и ты... Ты хочешь добавить – как и ты!

– Нет, я ничего подобного не хотела!

– Да ладно, Алл. Только знаете, что? Ничего я не планировала... Я танцевала отлично, могла построить карьеру. Меня в тот год на Европу пригласили с партнером... Буквально перед тем, как я узнала о своем положении. Так что, вполне возможно, я тоже многое потеряла! Но для меня рождение Даньки компенсировало все, подчистую! Жаль, что не для его отца.

Сестры замолчали, наш разговор зашел в тупик. Пожалуй, впервые мне удалось дать им отпор, и я бы радовалась этому, если бы не чувствовала себя настолько опустошенной. Вскоре с площадки вернулся потный Демид. Он неприветливо поздоровался с тетками, заказал блинчики и пошлепал в душ. А я, сославшись на уйму дел, выпроводила гостей за порог.

После стояния у плиты у меня разболелась голова. Если бы не это – я бы нашла, чем себя занять, а так – бесцельно щелкала пультом, сидя перед телевизором. Боль усиливалась, и чтобы себя отвлечь, я стала вспоминать, как мне было хорошо, когда меня мял Степан. После нескольких процедур с ним мигрень была уже не такой интенсивной, как раньше. А может, так повлиял массаж тибетскими поющими чашами. Я давно не чувствовала себя настолько хорошо, как

после этой странной расслабляющей, казалось, каждый мой нерв процедуры. Щелкнула пальцами и вскочила с дивана, вспомнив, что мы так и не договорились о следующем посещении. Схватила телефон, не давая себе шанса передумать:

– Степан Ни...

– Просто Степан, Таня.

Слышу его тихий низкий голос, и уже от одного только этого испытываю блаженство. Очень странно это все. Очень...

– Эээ... Ладно. Я тут вспомнила, что мы не успели договориться о следующей процедуре и... Скажите, у вас еще есть время?

– Конечно. Через два часа, вас устроит?

– Да!

– Тогда буду вас ждать, – ответил он, прежде чем положить трубку.

Теряюсь от такой поспешности, но тут же понимаю, что он просто банально занят! У него пациентов полно! И что-то внутри мне подсказывает, что он никогда не берет трубку, когда работает. Я действительно исключение. Как он мне и сказал... И это подкупает, как ничто другое. Для меня, преданной и неоцененной – это самые желанные слова из всех существующих слов в этом мире. Мне все равно, что за ними скрывается. Мне просто необходимо чувствовать себя нужной, мне это жизненно важно!

Меня охватывает возбуждение, я несусь в душ, сушу во-

лосы, наносишь на запястья новый аромат, который совсем не похож на тот, которым я пользовалась всю свою прошлую жизнь, и мчусь в спорткомплекс. Приезжаю почти на полчаса раньше. Нервно улыбаюсь девочкам на рецепции, прохожу по уже знакомым коридорам к белой двери, дергаю ручку – и ничего.

– Степан занимается в зале, – докладывает мне шикарная блондинка, когда я оборачиваюсь. Мы с ней уже виделись.

– Стелла Золото. Я хозяйка спорткомплекса и лучшая подруга Степана. Пойдемте, я вас провожу...

Киваю головой и безропотно слеую за женщиной, не до конца понимая, зачем мне прерывать его тренировку. Я действительно пришла раньше, у него было еще полчаса и... Замираю, выхватывая взглядом мощную фигуру Степана. Я никогда не видела его тела. Он всегда был в просторном белом... чём-то, более напоминающем кимоно, и вот теперь... Я ошеломлена. Этот мужчина – он не просто большой... Полный там, или сбитый. Его фигура – это фигура атлета – большие мышцы, плоский рельефный живот и соразмерные всему остальному мышцы ног. Он идеален. Абсолютно ошеломляюще идеален.

Глава 7

Я чувствую Таню прежде, чем мне сообщают о ее появлении. Что, впрочем, происходит не сразу, ведь Стелла в принципе не спешит прерывать мою тренировку. Я понимаю ее замысел и с трудом сдерживаю смех. Моя подруга решила, что, увидев меня во всей красе, женщина, которая понравилась мне впервые за долгие годы, впечатлится. Это так по-женски... Улыбаюсь, несмотря на все опасения и тревоги. И, конечно, не желая подвести Стеллу, играю мышцами изо всех сил. Она фыркает, зная меня, как облупленного, а Таня молчит.

Время не резиновое, я завершаю упражнения и медленно подхожу к своим зрителям.

– Здравствуйте. Вы сегодня действительно раньше.

– Да, я... Извините.

– Ну, что вы... Это вы извините, мне еще в душ. Стелла, попросишь девочек открыть мой кабинет? Думаю, ожидание там будет гораздо комфортнее.

– Конечно.

Резво несусь в душевую, быстро смываю пот, переодеваюсь и так же торопливо возвращаюсь к себе. На секунду теряюсь. Мне тяжело угадать, где сейчас находится Таня, и будто бы понимая мое затруднение, она подает голос:

– Я тут.

– Отлично. Начнем?

Таня располагается на полу, я, как и накануне, расставляю вокруг нее чаши, но это другие сосуды. Не те, что вчера, хотя и они были достаточно хорошего качества. Но это... Это нечто совсем другое. Уникальное, я бы сказал.

– Вам лучше?

Таня с шумом выдыхает и говорит негромко:

– Настолько, насколько это вообще возможно.

Мои руки на секунду замирают, а затем продолжают свое плавное движение.

– Расскажи мне, что с тобой происходит? – перехожу на «ты», потому что довольно странно выкать человеку, от которого тебя ведет, и с которым отношения давно уже вышли за рамки рабочих.

– Зачем? – ее голос едва слышен, и вся она слаба.

– Будет легче.

– Я не знаю... Это так странно. Мы ведь почти незнакомы...

– Тем более. Так проще. Расскажи, Таня... Поделись. Почему в тебе столько боли?

– Это настолько заметно?

– Мне – да. Я слеп, но порой замечаю намного больше, чем все остальные люди. Парадокс моей жизни.

– Это от рождения? Или... – Таня уводит разговор от себя, а мне, в принципе, это не так уж и важно. Главное, что мы перешагнули черту. И вообще разговариваем.

– Я потерял зрение по собственной дурости. Как врач, я долгое время принимал участие в боевых действиях. Потом комиссовался с ранением... И огромным ПТСРом, с которым не справился. В общем, я стал пить. Опустился. Это довольно быстро происходит, если на себя плевать. И ослеп в результате отравления паленой водкой. Это одно из осложнений. В подобном суррогате обычно содержится яд. Метанол. Однократное его употребление может вызвать нарушение нервной системы и слепоту. Вот и вся история.

Вот так, очень сжато, я рассказал Тане практически обо всей своей жизни. Я не любил вспоминать о том времени. Да и в памяти осталось не так чтобы много, ведь когда ты постоянно пьян – в голове вообще ничего не задерживается. Только дни бегут, и времена года сменяют друг друга. Но тебе до этого дела нет. Тебе вообще не до чего нет дела. Твоя жизнь, как кошмарный сон.

– Какая несправедливость... – прошептала Таня.

– Сам виноват... Тань, а, может, ну его... Это все? Пойдем, погуляем?

– Погуляем? – прошелестела она.

– Да! Ты и я. Или... есть что-то, что тебя останавливает? Кто-то... – добавил после короткой паузы.

– Нет! Нет... Вообще-то, мой муж меня бросил. Буквально на днях ушел к ровеснице нашего сына.

– Значит, он дурак. А мне повезло.

– Правда?

Ее голос настолько удивленный, что я только утверждаюсь в мысли о том, как мало она в своей жизни видела. Мои кишки полосует боль.

– Ну, конечно. Так, что? Пойдем?

– А как же чаши? И твоя работа...

– Сегодня воскресенье. По воскресеньям я работаю до обеда, ты – мой последний пациент. И твой массаж мы можем провести позже.

Она соглашается, кажется, даже сама удивленная этим решением. Торопливо переодеваюсь за ширмой. Ругаю себя, что напялил спортивные штаны и простую трикотажную футболку. Не лучший выход для первого свидания, хотя, наверное, как-то глупо мужику моего возраста переживать на этот счет.

Мы выходим на жаркую, воняющую раскаленным асфальтом улицу, и только там я понимаю, что идея с прогулкой в такое пекло – далеко не самая удачная.

– Ух, как парит!

– Да... Может быть, тогда в кафе? Есть здесь неплохое на съезде.

– Отлично. Степ... А ты не против, если мы доберемся машиной? Там кондиционер...

Я пожимаю плечами. Глупо отказываться от хорошего, в принципе, предложения. У Тани шикарная тачка. Меня это заставляет напрячься. Я не уверен, что смогу ей обеспечить тот уровень жизни, к которому она, судя по всему, привыкла.

– Японец?

– Да, Тойота. Сын подарил. Сумасшедший!

В голосе Тани впервые за долгое время слышится радость. Она любит своих детей, очень любит. Я представляю, что это могли бы быть наши дети, и... Нет, лучше не думать. Это больно. А у нас... еще многое впереди.

– Удивительно, что у тебя такие взрослые пацаны.

– Да... Даньку я родила в семнадцать.

– Осуждали?

– Посторонние? Да плевать мне на них! Я такой счастливой в то время была! Не знаю, как все на себе тянула. Саша... мой муж, он сначала в казарме жил при школе милиции. Потом с нами, но все равно учился. Стипендия – копейная, денег не хватало катастрофически. Помаялись мы так полгода, и пошла я работать в ночную на хлебопекарню. Днем с Данькой – по дому, а ночью – у печи. Мне тогда казалось, я спать даже стоя могла, – тихо рассмеялась Таня, и я, как оголодавший, впитывал в себя ее смех. – Измученная! Худющая! Одни глаза на лице, но счастли-и-ивая! Кажется, никогда после я такой счастливой не была.

Я слушал Танин рассказ со смешанными чувствами. Удовольствием от того, что она решила открыться, и нестерпимой искрящейся яростью на ее горе-мужа. Учился он, мудака изнеженный, а она на своих плечах... девчонка, семнадцать лет! Как только справилась?!

– Потом снова забеременела! Шок! Неделю плакала. Сто-

яла над раскатанным тестом, из которого вручную лепила булочки, и слезы капали прямо на них. Я в то время уже не была такой наивной. Понимала, что никто эту новость с радостью не воспримет. Даже моя бабушка, которая отдавала нам последнее из своей крошечной пенсии и помогала нянчиться с Данькой, была не в восторге. Что уж говорить о Сашиних родителях, которые и первому внуку не слишком обрадовались? Степан... Мы, кажется, приехали! Кафе называется «Корона»?

– Ага... – я выпрыгнул из машины и обошел ее, чтобы открыть Тане дверь. Не знаю, почему так поступил – меня не учили манерам. Перехватил Танину узкую ладошку, помогая выбраться из машины, и не отпускал.

– Это заведение я не слишком хорошо помню, поэтому просто меня веди и говори о препятствиях. – Соврал ей впервые в жизни, потому что просто не мог отпустить, а хватать ее вот так пока не имел права – мне нужен был предлог.

– Ладно. Здесь бордюр...

Поздно. Я споткнулся.

– Вот черт!

– Осторожно. Низкие ступеньки. Справа дверь... Здесь не очень много народу. Где расположимся? Может быть, у окна?

– Я бы предпочел отдельную кабину. Когда незрячий ест... В общем, не хочу, чтобы на нас пялились.

– Ох... Прости. Я не подумала.

– Ты и не должна была. Все хорошо.

Мы располагаемся в отдельной, отгороженной со всех сторон кабинке. Нам приносят меню.

– Мне... мне прочитать тебе, или...

– Нет, я здешнюю кухню довольно неплохо знаю. Я буду стейк и овощи гриль. Если ты мне расскажешь о своих предпочтениях я, возможно, даже смогу тебе что-то порекомендовать. Или же мы можем пригласить официанта.

– Нет... Лучше ты.

Улыбаюсь и молча киваю. Поверить не могу, что мы вместе. Просто не могу в это поверить.

– Рыба, мясо, морепродукты?

– Морепродукты...

– Здесь вкусные мидии в сливочном соусе и чесноке и неплохие креветки.

Она выбирает креветки и теплый салат с тунцом. Когда официант уходит, над столом повисает смущенная тишина.

– Что-то не так?

– Нет-нет! Просто... думаю о том, что как-то неожиданно это все.

– Тебе неловко? Я тебя смущаю? Может быть, моя слепота?

– О господи, нет!

Меня радует решительный протест в ее голосе. Он омывает мое тело, и я расслабляюсь.

– Тогда расскажи еще что-нибудь о себе.

– Даже не знаю. В моей жизни не происходит ничего интересного. Все до зубовного скрежета однообразно и монотонно.

Я понимаю, что слова Тани – это не очередная попытка перевести разговор. Моя спутница правда не понимает, насколько интересна сама по себе. У нее и мысли нет, что её внутренний мир может заинтересовать хоть кого-то. Таня настолько растворилась в муже и детях, что напрочь забыла о том, что она – отдельная от них единица, и теперь, когда осталась одна... Она не совсем понимала, как ей жить дальше. Я чувствовал ее растерянность. И знал, что ей может помочь.

– Знаешь, мне кажется, тебе нужно срочно что-то менять в этой жизни.

– Может быть... Только как? Понятия не имею.

– Найти себе занятие по душе. То, чем всегда хотела заниматься. Ну, не знаю... Пойти в бассейн, на курсы актерского мастерства или прыгнуть с парашютом.

Таня тихо смеется, а я представляю, как это могло бы выглядеть. Как она откидывает голову с шикарной копной каштановых волос, как растягивает губы в улыбке и неловко прикрывает узкой ладонью рот... Как щурятся ее огромные зеленые глаза – красивые и немного испуганные.

Мои размышления прервало появление официанта, и мы замолчали на некоторое время, в ожидании, пока нас обслужат.

– Я любила танцевать! – выдала Таня, когда мы вновь остались одни.

– Танцевать?

– Да! Бальные танцы. С детства ходила в местный ДК, и с партнером мне повезло. На конкурсы ездили, однажды даже попали на чемпионат Европы, представляешь? Но... я как раз забеременела.

Мне больно осознавать, скольким она пожертвовала в этой жизни. Невозможно больно. Никогда бы не подумал, что чужие переживания могут восприниматься настолько остро. Но они врезаются в мою душу битым стеклом. Наверное, когда искренне любишь, не может быть как-то иначе. Ты просто впускаешь в себя другого человека. Со всеми его слабостями и недостатками, со всеми демонами, обитающими в его тьме, со всеми шрамами и разломами. Сорвав маски, видя все уловки, ты капля по капле пускаешь его по венам. И постигаешь любовь... Любовь, которая станет твоей слабостью, и твоей самой непобедимой силой одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.